

Возможно, из-за выпитого вина терпение Хань Сю значительно уменьшилось, и он прямо посмотрел на королеву, заставив её замолчать. Однако в следующую секунду она осознала, что её муж, который был на десять лет младше её и никогда не осмеливался перечить, теперь смотрит на неё с раздражением. А ведь он всего лишь несчастный узник, ожидающий, что она использует влияние своей семьи, чтобы спасти его. Она тут же закричала ещё громче и пронзительнее, чем раньше:

— О, Боже! Что это за взгляд! Ты срываешь зло на своей жене, единственной, кто искренне хочет помочь тебе, несчастной женщине? О, Боже! Я не могу поверить, о, моё сердце никогда не испытывало такой боли...

Её голос был настолько пронзительным, что даже Хоффман с неудовольствием посмотрел на неё. Но как архиепископ, он оставался молчаливым, не желая вмешиваться в отношения между королем и королевой. Хань Сю, наблюдая за ним, по-прежнему не уделял ни капли внимания королеве. Он мог понять мотивы этого человека, но всё же испытывал некоторое сожаление.

Конечно, после сожаления ему всё равно нужно было решить текущую проблему. Он оперся на лоб, слегка нахмурившись, и его лицо, названное «Нарциссом», выразило слабость и беспомощность, что, несомненно, могло вызвать материнские чувства:

— Хватит... — Он вдруг понял, что не знает имени королевы, и сквозь зубы выдавил два слога.
— Дорогая, со мной произошло что-то плохое, и мне жаль, что я вымещаю своё раздражение на тебе. Я рад, что ты пришла навестить меня. Теперь, ты не могла бы оставить меня с Хоффманом наедине, чтобы мы могли обсудить наши дальнейшие действия?

Для него слово «дорогая» было слишком постыдным, но он не знал, как ещё обратиться к ней. Произнося это слово, он невольно поднял глаза и посмотрел на мужчину, молча стоящего в тени. Очевидно, именно этот мужчина, который с первого взгляда вызвал у него чувство близости и знакомства, был его «дорогим», а не эта болтливая витрина с драгоценностями.

Казалось, его слишком горячий и полный сложных чувств взгляд вызвал любопытство у мужчины, и тот слегка приподнял бровь. Этот жест заставил Хань Сю осознать, что сейчас между ним и Хоффманом нет никаких отношений. Он смущенно отвел взгляд, словно тот мог проникнуть в его душу.

Королева успокоилась. Казалось, она пришла лишь для того, чтобы исполнить свои обязанности как королевы. В конце концов, какими бы ни были их отношения, в её нынешнем положении, когда она была по уши в долгах, именно король и казначейство оплачивали её дорогие украшения и проигрыши в карты. И, очевидно, эта сырая и холодная камера не могла заставить её оставаться дольше. Как она могла позволить своим изысканным платьям испачкаться этой грязной соломой? Предложение короля явно пришлось ей по душе. Она с жалостью посмотрела на несчастного короля и, вероятно, на архиепископа, которого король так сильно уважал, а затем с достоинством удалилась вместе со своими служанками и охраной.

Когда они ушли, комната стала просторнее и тише, казалось, остались только их дыхания.

Хоффман с непонятным выражением лица повернулся и сам закрыл железную дверь, включая маленькое прямоугольное окошко.

— Теперь давайте обсудим всю эту ситуацию.

Его голос был низким, и он медленно подошел к королю. Хань Сю, вынужденный смотреть на

него снизу вверх, почувствовал себя слабым. Поэтому он решил есть, как и раньше, и начал выбирать что-нибудь из еды на столе. Взяв длинный батон хлеба, он откусил кусок, чувствуя, как мягкий хлеб наполняет его желудок, что улучшило его настроение.

— Итак, скажи, что произошло сегодня утром? Что сейчас происходит снаружи? И что ты планируешь делать дальше? — спросил он, продолжая жевать, но в его голосе уже не было прежней слабости. Казалось, он не беспокоился о своем текущем положении.

Глаза короля блестели, возможно, из-за вина, его щеки порозовели, а глаза стали влажными, что вызывало у Хоффмана ощущение, что он выглядит очень аппетитно. Он отвел взгляд, хотя стоять в тени было удобнее, но он предпочел есть напротив короля, чтобы смотреть ему в глаза.

— Сегодня утром в Сент-Бетти началось восстание. Причину, я думаю, Ваше Величество уже догадались, действительно, это связано с тем, что на последнем собрании парламента не удалось прийти к соглашению по налогам и правам. Люди беспокоятся из-за расточительной королевы и... кажется, слишком доверчивого к её приближенным Вас. Армия, состоящая из представителей третьего сословия — купцов и части разочарованных мелких дворян, захватила центр города, включая эту тюрьму. Неожиданностью стало то, что часть армии ворвалась в королевский дворец. Недавно из-за новых расходов королевы во дворце задержали выплату жалования, что привело к тому, что часть рыцарей поддержала восставших, что и стало причиной вашего нынешнего положения.

Хань Сю с легкой усмешкой произнес:

— Тебе не нужно избегать моих ошибок, Хоффман. Я прекрасно понимаю, что, в конце концов, я король, и всё это нельзя свалить на королеву, я готов нести ответственность. Видишь, люди тоже понимают это, поэтому они арестовали меня, а не королеву.

Хоффман кивнул:

— Ваше Величество и королева очень близки, это естественно.

Хань Сю фыркнул, показывая, что не придает значения этой шутке, и жестом попросил его продолжить. Но Хоффман, глядя на него, объяснил:

— На самом деле, я считаю, что это восстание, или, скорее, революция, нельзя считать просто бунтом. Это был спланированный и организованный переворот. Ваше Величество, от основного нападения на центр города, чтобы отвлечь внимание и захватить символ королевской власти; до союза с дворцовыми рыцарями для захвата дворца и ареста вас, чтобы подорвать ваш авторитет; и, наконец, символическое сохранение положения королевы, чтобы не спровоцировать вмешательство армии Танцана. Всё это не похоже на действия народа, вынужденного восстать из-за тирании.

Хань Сю одобритительно посмотрел на Хоффмана. Действительно, по сравнению с оригинальной историей, которую он помнил из воспоминаний Чжоу Тяньтянь, нынешние события, благодаря участию Чжоу Тяньтянь и Оскара, стали более организованными и спланированными, что привело к более значительным результатам.

— Итак, у тебя есть план? — с интересом спросил он.

Хоффман на мгновение задумался:

— Ваше Величество, я думал, вас больше беспокоит ваше собственное положение, например, сколько времени вы проведете здесь. Конечно, лично я не могу терпеть, что вы находитесь в таком месте...

— Хватит, — Хань Сю усмехнулся. — Раз ты здесь говоришь об этом, раз моя королева удостоила меня своим визитом, значит, ситуация снаружи временно стабилизировалась, и эта стабильность не включает мое освобождение. Здесь всё в порядке, если ты после ухода пришлешь мне некоторые необходимые вещи, например, кровать, стол, стул, книги, бумагу и перья, я, возможно, смогу привыкнуть. Это не срочно, правда, в такое время лучше находиться здесь, чем на троне, став мишенью для всех. Конечно, это при условии, что ты готов помочь мне, а не оставить меня ждать приговора, лишения короны и смертного приговора. — Он слегка угрожающе добавил. — Хоффман, ты знаешь, что если короля можно казнить, то авторитет церкви, провозглашающей законность королевской власти, в Норе пошатнется.

Последнюю угрозу он произнес тихо, и в его голосе даже прозвучала некая нежность, как в любовных признаниях.

Хоффман никогда не знал, что он так восприимчив к голосам, но в этот момент он почувствовал, как по его коже побежали мурашки, а волосы на шее встали дыбом. Он пристально смотрел на улыбающегося юношу, скрестил ноги и спокойно сказал:

— Похоже, здесь действительно не хватает некоторых необходимых вещей.

<http://bllate.org/book/17715/1655472>